

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Есть ли альтернативы у безальтернативного?

В статье дается развернутая критика представлений о том, что в развитых странах появились устойчивые изменения в динамике рождаемости, которые противоречат теории демографического перехода. В связи с этим автор полемизирует с аргументацией, приведенной в статье М. Клупта, опубликованной в этом же номере.

Ключевые слова: демография, рождаемость, миграция, демографический переход, коэффициент суммарной рождаемости.

The article gives a developed criticism of representations that in advanced countries there were steady changes in dynamics of birth rate. This contradicts theories of demographic transition. The author polemizes with the arguments of M. Klupta's article published in same number.

Keywords: demography, birth rate, migration, demographic transition, factor of total birth rate.

Демографический переход и динамика рождаемости в развитых странах

Понятие “альтернатива” возникает всякий раз, когда появляется развилка, необходимость выбора одной из двух или более взаимоисключающих возможностей. Двигатель внутреннего сгорания стал альтернативой конной тяге при полевых работах или при передвижении по городу. Но слово “альтернатива” звучало бы смешно, если бы речь шла о том, какую лошадь запрячь сегодня в плуг – саврасую или кауруну, равно как и при решении о покупке автомобиля на чем остановить свой взгляд – на “пежо” или “субару”. Различия есть всегда и во всем, всегда есть возможность выбора, в этом смысле почти каждый покупатель автомобиля стоит перед альтернативой, но это бытовой смысл. Когда же обсуждается проблема исторических альтернатив и обсуждается в научной статье, смысловой вес каждого слова повышается. Соответственно, повышается и ответственность при его использовании.

Нет сомнения, что европейские страны по уровню рождаемости различаются между собой. В 2009 г. максимальные различия в Европе (между Белоруссией и Ирландией) по величине коэффициента суммарной рождаемости составляли 0,86 ребенка, если же отбросить 5 минимальных и 5 максимальных значений, то различия (между Венгрией и Данией) сокращаются до 0,56. При этом Ирландия была единственной страной в Европе, где коэффициент суммарной рождаемости превысил 2. Различия есть, но можно ли говорить, что в Европе реализуются альтернативные варианты прокреативного поведения, особенно если учесть, что коэффициент суммарной рождаемости в Ирландии был на 4,4 ребенка ниже, чем в Сомали или Уганде, на 4,5 меньше, чем в Мали, на 5,3 ниже, чем в Нигере? Различия и альтернативные варианты – не одно и то же. Модели прокреативного поведения венгра и датчанина могут различаться, но они

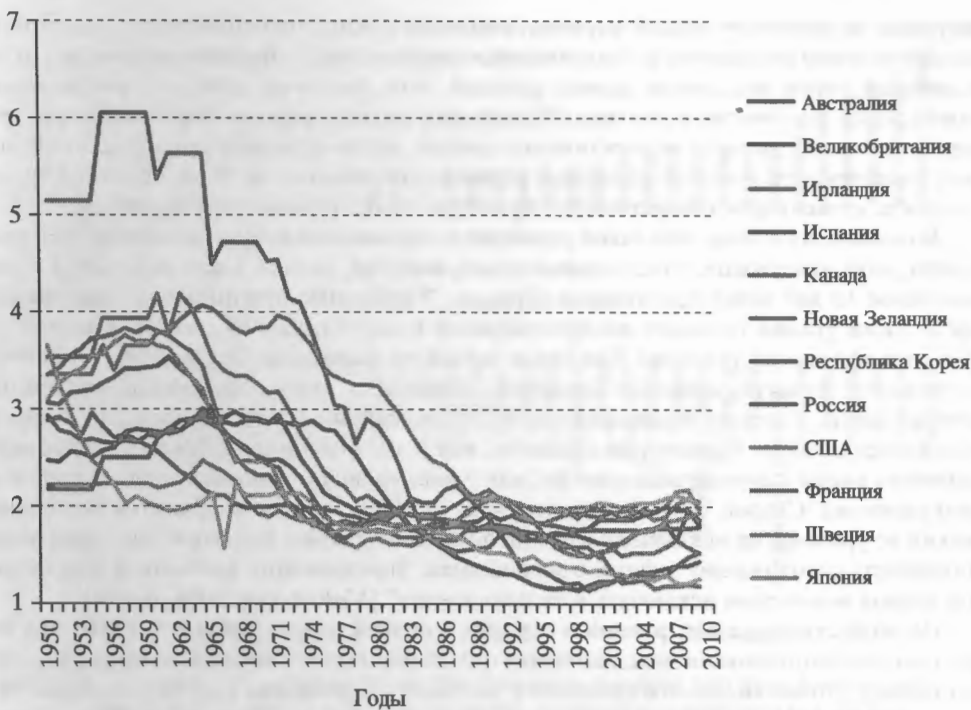

Рис. 1. Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в некоторых европейских и неевропейских постиндустриальных странах.

однотипны, могут без труда переходить одна в другую. Модели поведения ирландца и жителя Мали принадлежат разным историческим эпохам, о них действительно можно говорить как об альтернативных, взаимоисключающих.

Значит ли это, что внутри Европы или за ее пределами не может появиться новых альтернатив? До сих пор их явно не было, существовавшая еще в середине XX в. значительная дивергенция сменилась нарастающей конвергенцией, хотя небольшие различия между странами не исчезли, да и не могли исчезнуть, потому что не бывает совершенно одинаковых стран, как не бывает совершенно одинаковых людей (см. рис. 1). Подобная конвергенция происходит в полном соответствии с теорией демографического перехода, которая предсказывает возвращение к малодетной семье прошлого, но только в условиях, когда конечная малодетность достигается не за счет высокой смертности при столь же высокой рождаемости, а непосредственно за счет низкой рождаемости при очень небольших потерях от смертности.

Впрочем, теория демографического перехода нередко подвергается критике за то, что якобы не выполняется ее главный постулат – достижение нового равновесия рождаемости и смертности, ибо рождаемость во многих странах упала ниже уровня равновесия. Как утверждает французский демограф Ж. Валлен, “заключительный этап демографического перехода не стал плавным течением реки, как нам обещала одноименная теория”. По его мнению, один из основополагающих тезисов теории – стабилизация рождаемости на уровне двух детей в расчете на одну женщину – опровергнут фактами [Валлен, 2005].

У защитников теории демографического перехода, в свою очередь, есть контраргументы. Один из них заключается в том, что эта теория претендует на объяснение происходящего не в отдельных странах, а во всей глобальной демографической системе, в которую эти страны тесно интегрированы. А в глобальной системе уровень равновесия за счет продолжающегося снижения рождаемости отнюдь не достигнут, так что говорить об опровержении теории фактами пока преждевременно. Второй же

аргумент, не противоречащий первому, сводится к тому, что снижение рождаемости для достижения равновесия со снизившейся смертностью, – поисковый процесс, охватывающий сотни миллионов семей; процесс этот далеко не закончен, рождаемость ниже уровня равновесия в постиндустриальных странах вполне может оказаться переходящим этапом данного коллективного поиска, который может смениться повышением рождаемости и восстановлением утраченного равновесия. Ведь для этого нужно повысить уровень рождаемости всего примерно на 0,5 ребенка на 1 женщину.

Я склоняюсь к тому, что такое устойчивое повышение сейчас едва ли может произойти, хотя утверждать это с уверенностью, конечно, нельзя. Свою позицию я изложил более 10 лет назад следующим образом. “Глубинные причины падения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства в индустриальных странах коренятся не в специфических условиях или стиле жизни их населения. Это падение – элемент глобального демографического процесса, имеющего свои собственные системные детерминанты. Поэтому маловероятно, что в ближайшие 50 лет во всех этих странах произойдет поворот к росту рождаемости, как и то, что Россия окажется вне общего движения наций с примерно таким же, как у нее, уровнем экономического и социального развития. Скорее, можно ожидать, что до 2050 г. у всех сохранится нынешний низкий ее уровень, не исключено и его дальнейшее падение. Впрочем, учитывая недостаточность сегодняшних знаний о механизмах, управляющих динамикой рождаемости, нельзя полностью исключать и ее повышения” [Vishnevsky, 2004, с. 274].

Но общественные настроения в странах с низкой рождаемостью таковы, что все ждут именно этого повышения, пытаются ему содействовать мерами демографической политики и готовы видеть его признаки в малейших колебаниях уровня рождаемости в желаемую сторону. Не прекращаются попытки подвести под столь желаемое повышение рождаемости теоретическую базу, которая чаще всего строится “от противного”: опровергаются хорошо известные эмпирически наблюдаемые факты и взамен выдвигаются слабообоснованные, но благонамеренные теоретические предположения. Вот типичный пример из уже довольно далекого прошлого, но нетрудно найти созвучные ему весьма свежие примеры.

“Ничем нельзя доказать, что если люди начинают жить лучше – пользоваться лучшим жилищем, лучшим питанием и другими условиями, то это якобы должно вести к снижению рождаемости. Имеющиеся в литературе попытки такого рода носят чисто спекулятивный характер. Более основательны простые статистические констатации фактов, действительно в ряде случаев, указывающих на обратную связь между уровнем рождаемости и уровнем благосостояния. На эту связь указывал и К. Маркс. Однако статистическая закономерность всегда имеет ограниченное во времени и в пространстве значение. То, что было верно в середине прошлого века, может не иметь силы в настоящее время, во всяком случае, не имеет силы в условиях нового, социального строя” [Боярский, 1975, с. 25]. О социализме сейчас никто не вспоминает, но стремление связать динамику рождаемости не с внутренней логикой демографического развития (само признание ее существования нередко объявляется “мистикой”), а с действием каких-то внешних (экономических и т.п.) условий¹ не исчезает.

Повышение коэффициента суммарной рождаемости в начале века – новая альтернатива?

Первое десятилетие XXI в. вдохнуло новую жизнь в давние пронаталистские ожидания, пожалуй, впервые подкрепив их “статистической констатацией фактов”. Это десятилетие ознаменовалось повышением во многих развитых странах так называемого коэффициента суммарной рождаемости (*total fertility rate*), что сразу

¹ “Во взаимодействии население–экономика ведущим звеном является экономка. В этом состоит наиболее глубокое отличие марксистской методологии вопроса от методологии буржуазной” [Боярский, 1975, с. 64].

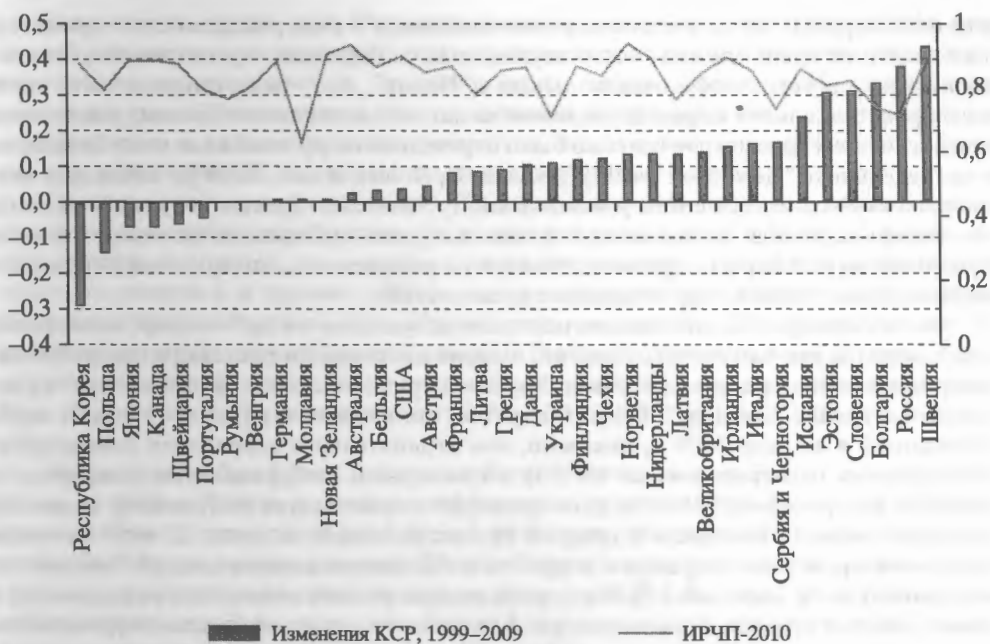

Рис. 2. Изменения коэффициента суммарной рождаемости (детей на 1 женщину) между 1999 и 2009 гг. и Индекс развития человеческого потенциала в 2010 г.

привлекло внимание, ибо длительное время данный показатель повсеместно снижался. Новый феномен получил отражение в научной и околонаучной литературе, в заявлениях политиков, в ряде случаев он трактовался как признак перелома долговременной тенденции и чуть ли не начала новой эры в динамике рождаемости, как появление некоей исторической *альтернативы* ее снижению. Например, авторы письма в журнал “Nature” [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009^a] пришли к выводу, что уровень рождаемости связан не с банальным ростом благосостояния (что много раз опровергалось), а с величиной Индекса развития человеческого потенциала (ИРПЧ). По достижении достаточно высокого ИРПЧ снижение рождаемости сменяется ее повышением. С моей точки зрения, при чтении этого письма уважаемых авторов трудно не вспомнить русскую пословицу: “Тех же щей, да пожиже влей”, но у них есть и немало сторонников.

Мне трудно спорить с авторами, которые применили такой суперсложный (хотя и не всегда надежный) метод исследования, как корреляционный анализ, но при использовании более простых средств указанная ими связь не просматривается (см. рис. 2). Сделанный ими вывод не позволяет объяснить, например, почему среди стран с наибольшим ростом коэффициента суммарной рождаемости в “нулевые” годы (они сосредоточены в правой части графика на рисунке 2), страны с высоким ИРПЧ (Норвегия, Нидерланды, Великобритания, Ирландия, Италия, Испания, Швеция) перемежаются со странами, в которых этот показатель довольно низок, весьма далек от определенного авторами порогового уровня 0,86, при котором обратная связь сменяется прямой (Латвия, Сербия и Черногория, Эстония, Словения, Болгария, Россия). Россия с ИРПЧ в 2010 г., равным 0,719, соседствует непосредственно со Швецией (0,885), тогда как Германия, имея те же 0,885, находится в числе стран, показавших минимальный рост КСР, а в Японии (ИРПЧ = 0,884), Канаде (0,888) или Швейцарии (0,874) он вообще не рос, а сокращался.

К тому же сам ИРПЧ – показатель довольно эклектический, он может быть полезен в некоторых случаях для межстрановых сравнений, но едва ли его целесообразно считать настолько строгой и надежной характеристикой состояния общества той

или иной страны, чтобы связывать с ним изменения в ходе рождаемости – процесса, зависящего от очень многих, часто неуловимых социальных параметров. Все это говорится не для того, чтобы охать и плакать в “Nature”, оно – закономерная часть научного процесса, вполне оправданная попытка дать объяснение необычному изменению статистических параметров (письмо было переведено на русский язык и опубликовано в еженедельнике “Демоскоп Weekly” [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009⁶]), чтобы дать возможность ознакомиться с ним русскоязычному читателю. Здесь я хочу лишь сказать, что эта единственная, вызывающая немало вопросов публикация, не может служить фундаментом для пересмотра всех взглядов на рождаемость, которым посвящены десятки и сотни статей и книг последних десятилетий.

Между тем пресловутое письмо породило целую цепочку публикаций, в которых о нем говорится как о научном открытии, в корне изменившем представления о мотивации рождаемости в развитых странах. Хороший пример – статья “Детотрясение” в российском журнале “Эксперт”. В ней говорится, что в статье в журнале “Nature”, опубликованной в августе 2009 г., показано, что отрицательная корреляция между уровнем развития (измеряемым как ИРПЧ) и суммарным коэффициентом рождаемости работает до уровня ИРПЧ $\approx 0,9$ (что примерно соответствует подушевому валовому продукту около 25 тыс. долл. и средней продолжительности жизни 75 лет). Но после этой точки происходит перелом – корреляция становится положительной. Российские исследователи А. Коротаев и Д. Халтурина рассматривают повышение рождаемости в самых богатых странах как следующую фазу второго демографического перехода, когда дальнейшее повышение уровня образования женщин и их вовлеченность в экономику уже положительно коррелирует с рождаемостью. Коротаев и соавторы считают, что выйти на более высокий уровень рождаемости удалось благодаря продуманной эффективной государственной политике поддержки рождаемости [Панкратов, Турчин, 2010].

К хору поклонников письма «во всемирно известном журнале “Nature”» присоединяется (в статье, публикуемой в настоящем номере журнала) и М. Клулт, отмечая, что оно стало “заметным событием в дискуссии о взаимовлиянии социально-экономического и демографического развития. Сопоставляя динамику индекса человеческого развития (ИЧР) и суммарного коэффициента рождаемости (СКР) за последние три с лишним десятилетия, автор статьи пришел к выводу, что при уровнях ИЧР, больших 0,86, отрицательная корреляция СКР и ИЧР превращается в положительную”. “Пример развитых стран, рождаемость в которых достигла уровня простого воспроизводства населения или близка к нему, свидетельствует, что повышение рождаемости до уровня простого воспроизводства вполне возможно и в условиях наступившего столетия”. «Происходящие изменения, – полагает М. Клулт, – учитывает более новая теоретико-методологическая позиция Коротаева и его коллег. В соответствии с ней “каноническую” (однофазную) схему второго демографического перехода следует дополнить новой, второй фазой. При этом, если первой фазе соответствует низкий аттрактор рождаемости, то второй – высокий. Во вторую фазу, по мнению исследователей, придерживающихся данной точки зрения, вступили высокоразвитые страны с уровнем рождаемости, близким к простому воспроизводству населения». Судя по всему, Клулт разделяет веру авторов письма в то, что появился шанс “обратить тенденции спада рождаемости вспять”. Какой, однако, смысл вкладывается в эту формулу: “обратить тенденции спада рождаемости вспять”? Ее ведь можно понимать по-разному.

Одно дело, если речь идет о действительном появлении альтернативы современной низкой рождаемости, о переходе к тому, что некоторые авторы называют “среднедетностью” – к массовому распространению трех-четырёхдетной семьи. Только ведь об этом пока говорить преждевременно, здесь, пожалуй, следует немного продолжить цитируемый-Клултом текст: “Наш анализ предполагает, что успехи в развитии дают шанс обратить тенденции спада рождаемости вспять, даже если мы и не можем ожидать подъема рождаемости снова выше уровня замещения поколений” [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009^a].

Это – совсем другое дело. Речь идет о некотором повышении коэффициента суммарной рождаемости в некоторых странах, не выходя за рамки того разнообразия показателей *низкой* рождаемости, которое и сейчас наблюдается во всей совокупности развитых стран. Возможности такого повышения, например в России, которая не раз демонстрировала спады и подъемы показателя, никто никогда не отрицал. Но дает ли это основание говорить о появлении новых альтернатив? Едва ли.

Проявляя разумную осторожность, Клупт замечает: «Подчеркнем, однако, что нет оснований трактовать перспективу, рисуемую авторами статьи в “Nature”, в качестве единственно возможной, это – лишь одна из альтернатив. В развитом мире сегодня четко обозначилась и другая – низкая или очень низкая рождаемость, при которой население страны воспроизводит себя не более, чем на 60%–70%. Географически эта альтернатива представлена немецкоязычной Европой, романоязычной Южной Европой, постиндустриальной Азией и постсоциалистическими европейскими странами... К последним, несмотря на повышение СКР с 1,30 в 2006 г. до 1,54 в 2009 г., примыкает и Россия».

Представим себе, однако, что статья Клупта написана не в 2011 г., а за 25 лет до этого – в 1986 г. Размах вариации коэффициента суммарной рождаемости в Европе намного больше, чем сейчас (не 0,86, а 1,43 – между Италией и Молдавией). Немецкоязычная Европа и романоязычная Южная Европа погрязли в низкой рождаемости, с трудом удерживают свои позиции – примерно на уровне 1,8 – лишь Франция, Швеция и Великобритания. Зато на востоке Европы вырисовывается величественная альтернатива повышения рождаемости до уровня простого воспроизводства и даже выше: Венгрия (1,84), Чехия (1,94), Болгария (2,02), Белоруссия (2,10), Литва (2,12), Украина (2,13), Эстония (2,17), Россия (2,18), Сербия и Черногория (2,19), Словакия (2,20), Латвия (2,21), Польша (2,22), Македония (2,27), Румыния (2,40), Молдавия (2,78).

Почему эта альтернатива не реализовалась? Может быть потому, что, как полагают авторы статьи “Детотрясение”, в демографии всегда “надо ожидать неожиданного”, динамика рождаемости – это “циклический процесс”, в котором наблюдаются “сильные колебания рождаемости”, “складываются самоподдерживающиеся циклы подъема и спада рождаемости” и т.п.? Но если это так, то каковы основания каждый цикл подъема или спада рассматривать как появление альтернативной тенденции? Впрочем, может быть, дело вовсе не в цикличности рождаемости или в нежелании ее замечать, придавая каждому циклу значение нового эпохального поворота, а в том, что все упомянутые авторы, включая и Клупта, используют неадекватные измерители рождаемости, а потому и неверно судят о ее реальных тенденциях?

А был ли мальчик?

Авторы письма в “Nature” были не единственными представителями демографического сообщества, обратившими внимание на подъем КСР во многих развитых странах и попытавшимися понять природу этого феномена. В частности, почти одновременно с публикацией в “Nature” появилась статья, озаглавленная “Конец сверхнизкой рождаемости?” [Goldstein, Sobotka, Jasilioniene, 2009], в которой рост показателя в нулевые годы объясняется иначе. Авторы статьи рассматривают возможное влияние на падение рождаемости в 1990-е гг. и ее последующий рост экономических, социальных и политических факторов, но главное объяснение находят в факторе собственно демографическом. Они приходят к выводу, что как сильное падение КСР в 1990-е гг., так и его последующий рост в первом десятилетии нынешнего века следует рассматривать как временные эффекты повсеместного сдвига к более позднему материнству, по мере завершения которого рост показателя будет сходиться на нет, то есть, по сути, говорят о том, что за изменениями статистического показателя совсем не обязательно стоят изменения уровня рождаемости.

В том же 2009 г. появилась еще одна важная работа, на этот раз вообще ставящая под вопрос правомерность самого использования КСР как адекватного измерителя ее

уровня [Sobotka, Lutz, 2009]. Об этом гласит само название статьи: “Дезориентирующие политические сигналы коэффициента суммарной рождаемости: не следует ли отказаться от использования этого показателя?”

В свое время демографы потратили много сил на то, чтобы разъяснить политикам и журналистам, почему нельзя судить об уровне рождаемости по ее общему коэффициенту, а следует пользоваться КСР как показателем, не зависящим от возрастного состава населения. Но в той мере, в какой им это удалось, они накликали новую беду, потому что этот коэффициент – тоже не безупречный показатель. Он относится к так называемому “условному поколению”, неплохо работает, когда население близко к стабильному, а в демографическом поведении людей не происходит быстрых изменений (примерно так было в начале XX в., когда Р. Кучинский предложил этот показатель). Но он дает неверное представление об истинном уровне рождаемости и его динамике, когда это поведение резко меняется, в частности когда меняется распределение рождений по возрасту матери (изменение “календаря рождений”). Не понимая этого, политики, журналисты, а иногда и не вполне компетентные представители научного сообщества придают изменениям КСР то значение, которого они, в действительности, не имеют, неизбежно приходя при этом к ошибочным выводам.

Самые последние десятилетия в развитых странах ознаменовались значительным повышением возраста материнства – и в целом, и при рождении первого ребенка. Это массовое “откладывание” рождений (но не отказ от них) приводит к тому, что вначале КСР падает, а затем, когда те же, что и прежде, рождения реализуются в более поздних возрастах, повышается, что отнюдь не свидетельствует о повышении собственно рождаемости.

Россия долгое время не участвовала в общем движении к более позднему материнству, но социально-политические трансформации 1990-х гг., как это и можно было предвидеть, привели к сближению демографического поведения россиян и европейцев. Нарастающее сходство с Западной Европой отразилось не столько в изменении числа детей – в этом смысле между Россией и Европой давно уже не было больших различий, – сколько в изменении “календаря” рождений и среднего возраста матери при рождении ребенка. На рисунке 3 ясно видны как сдвиг российской возрастной модели рождаемости в сторону европейской модели, так и то, что он еще не закончен. Но даже и того, что произошло, было достаточно, чтобы понизить КСР в конце 1990-х гг., а затем, при реализации отложенных рождений, повысить его в “нулевые” годы. В этих условиях КСР теряет свою информативность.

Зная эту проблему, демографы пытаются найти способы корректировки КСР условного поколения с учетом изменений “календаря” (см., например, [Bongaarts, Feeneey, 1998]) и, применяя эти методы, показывают, что либо предыдущее снижение, как и последующий рост, рождаемости были далеко не столь значительными, как об этом говорит динамика КСР, либо ни того, ни другого вовсе не было. Это видно, в частности, на примере Испании (см. рис. 4), где падение скорректированного (*adjusted*) КСР было существенно менее глубоким, чем не скорректированного, а последовавший затем рост – и вовсе незначительным.

Но наиболее надежным показателем остается все же итоговая рождаемость реальных поколений, а она пока тоже не указывает на появление каких-то серьезных альтернатив. В частности, применительно к России, регулярные оценки этого показателя, выполняемые в Институте демографии НИУ–ВШЭ, позволяют говорить о некотором замедлении снижения итоговой рождаемости у более молодых поколений, но отнюдь не о ее росте (см. табл. 1). При этом ни одна группа поколений не демонстрирует тех супернизких уровней рождаемости, на которые указывали КСР во второй половине 1990-х гг. (1,3 и даже ниже). Примерно так же дело обстоит с большинством других постиндустриальных стран. Итоговая рождаемость реальных поколений снижается, никаких признаков серьезных альтернатив не просматривается.

Некоторое время тому назад в краткой реплике [Демография... 2011] по поводу необоснованности далекоидущих выводов, сделанных в уже упоминавшейся статье в

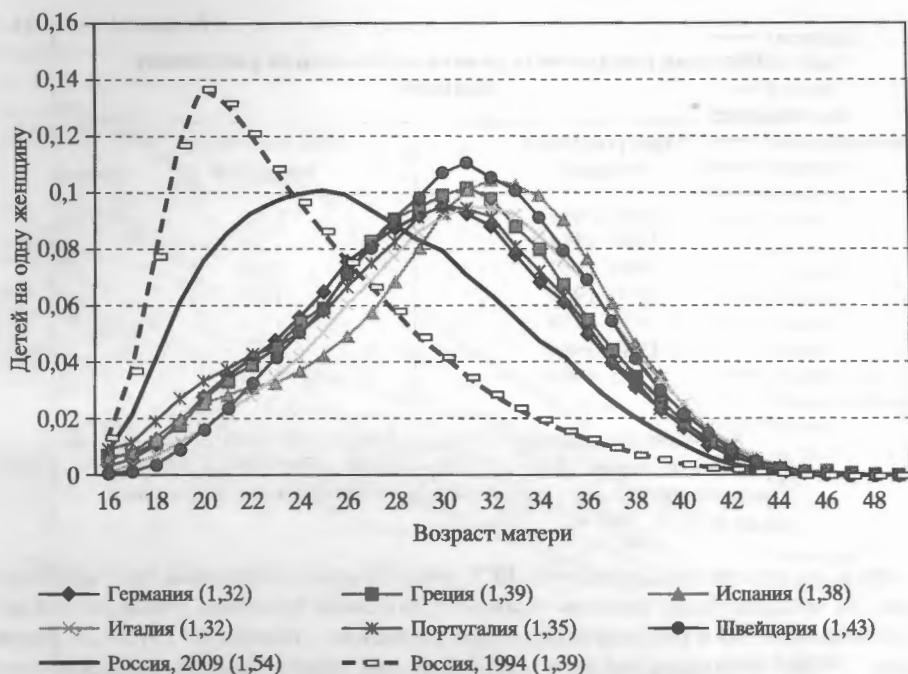

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости в России (1994, 2009 гг.) и в некоторых странах со сходным уровнем рождаемости в 2005–2007 гг., в расчете на 1000 женщин (в скобках – коэффициент суммарной рождаемости).

Источник [Население... 2011, с. 103; автор раздела – С. Захаров].

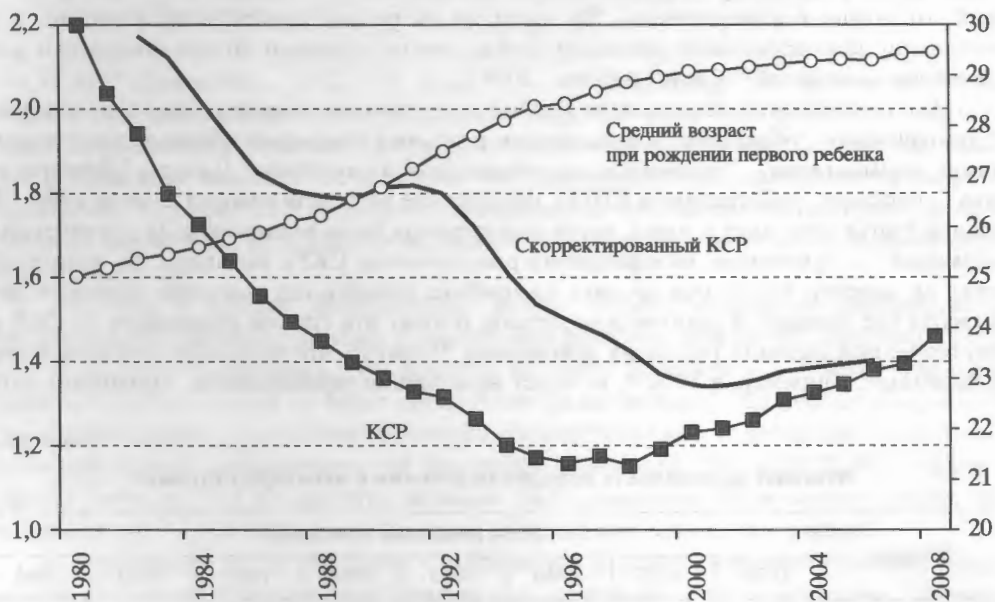

Рис. 4. Коэффициент суммарной рождаемости условного поколения и скорректированный коэффициент суммарной рождаемости с поправкой на “эффект календаря”, (Испания, 1980–2008 гг.).

Источник [European...2010].

Таблица 1

Итоговая рождаемость реальных поколений российских женщин

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений
1955–1959	1,88
1960–1964	1,76
1965–1969	1,64
1970–1974	1,58
1975–1979	1,57
1980–1984	1,54
1985–1989	1,53

Источник [Население... 2011, с. 118]. Расчеты Захарова, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979–2009 гг.

“Эксперте” на основе традиционного КСР для условных поколений, был опубликован график, на котором были сведены данные о динамике итоговой рождаемости реальных поколений 1930 и последующих годов рождения – вплоть до 1972 в 29 развитых странах. Смысл этого графика не в том, что на нем можно было разглядывать кривые для отдельных стран, а в том, чтобы показать общее для всех стран направление движения: все кривые идут вниз, бывают отдельные колебания, но они отнюдь не ставят под сомнение общее движение вниз и не указывают на появление каких-либо альтернатив этому движению (см. рис. 5).

В комментарии к этому графику говорилось: “Если рассматривать не поколенческие итоги, а динамику текущих показателей для так называемых условных поколений, то можно и понервничать. Но зачем же их рассматривать, если известно, что истинную долговременную динамику рождаемости отражают только показатели для реальных поколений?” [Демография... 2011].

На это замечание последовала крайне раздраженная реакция одного из авторов “Детотрясения”, обращение к показателям реальных поколений объявлялось трюком, стиль комментария – “типичным для российской блогосферы” (авторы “Детотрясения” – россияне, работающие в США), содержание же ответа говорит само за себя. “В нашей статье речь идет о годах, когда рождаемость была реализована (в технических терминах – о суммарном коэффициенте рождаемости, СКР). Большинство читателей вряд ли заметят, что по оси абсцисс на графике отложен год рождения женского поколения (не вдаваясь в технические детали, потому что график показывает не СКР, а итоговую рождаемость реальных поколений). Понятно, что младенец женского пола, рожденный, например, в 1930 г., не будет немедленно размножаться, а подождет хотя

Таблица 2

Итоговая рождаемость поколений женщин в некоторых странах

Страны	Годы рождения поколений							
	1930	1935	1940	1945	1950	1955	1960	1965
Дания	2,36	2,38	2,24	2,08	1,90	1,84	1,90	1,92
Норвегия	2,48	2,57	2,45	2,21	2,09	2,05	2,09	2,06
США	3,18	3,14	2,73	2,26	2,03	1,97	1,98	2,07
Финляндия	2,46	2,29	2,04	1,88	1,86	1,90	1,96	1,91
Швеция	2,12	2,14	2,05	1,98	2,00	2,03	2,04	1,98

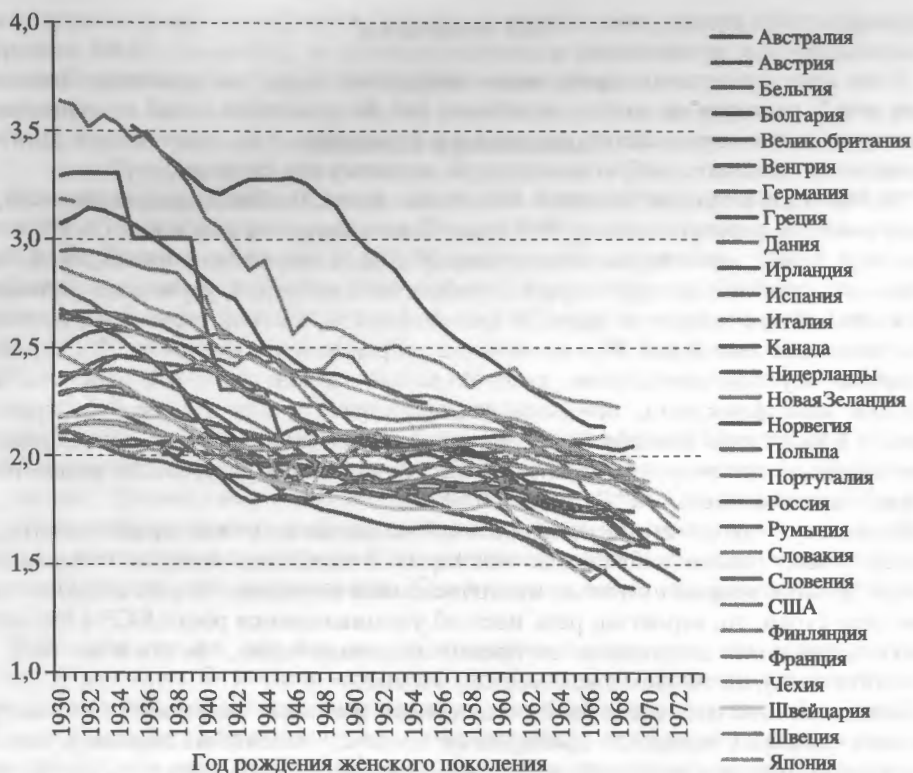

Рис. 5. Итоговая рождаемость реальных поколений женщин в 29 странах, число рождений на одну женщину.

Источник [Демография... 2011].

бы 15 лет” [Демоскоп... 2011]. Не знаю уж, за кого принимает автор этой ядовитой, но не очень грамотной реплики, читателей, которые не способны, по его мнению, прочесть подписи под рисунком и на графике, но нас, в данном случае больше беспокоит его собственная неспособность понять, что этот график был намеренно приведен в *противовес* графику КСР условного поколения, на использовании которого он продолжает настаивать, несмотря на весьма ограниченные аналитические возможности этого показателя.

В отличие от авторов “Детотрясения”, Клулт – профессиональный демограф, весьма квалифицированный, хорошо понимающий различия между показателями условного и реального поколений, и он, конечно, не станет рассуждать по поводу “младенца женского пола, который не будет немедленно размножаться”. Но зато он утверждает, что “тенденцию к повышению начинают демонстрировать и когортные показатели, подводящие итог демографической биографии поколений. Так, в США, Финляндии и Дании значения СКР для когорты женщин 1965 г. рождения были немного выше, чем в когорте 1950 г., а в Швеции и Норвегии практически сравнялись с ними”.

К сожалению, здесь мы снова сталкиваемся с игнорированием разницы между неизбежными случайными колебаниями и альтернативными тенденциями. Приведу некоторые данные по упомянутым Клултом странам (см. табл. 2). Мы видим действительно значительные различия между когортами 1930 и 1950 гг. рождения, но если говорить о когортах, родившихся в 1950 г. и позднее, то здесь можно говорить лишь о весьма небольших разнонаправленных колебаниях, которые при самом большом желании нельзя выдать за признаки появления каких-то новых альтернатив.

Что возможно?

Если даже представители научного сообщества живут по принципу, “что вижу, о том пою”, реагируя на каждое колебание как на появление новой альтернативной тенденции, то что спрашивать с политиков и чиновников с их генетической заинтересованностью толковать любую позитивную подвижку как свою заслугу?

“В 2007 году в России родилось 1602,4 тыс. детей. В абсолютном выражении, это самый высокий результат после 1991 года. Такого прироста рождений (за 2007 г. составил 122,8 тыс. детей) не было последние 24 года, а темпов прироста (8,3% за год) – 52 года. Это прямое следствие мер демографической политики, улучшения экономической ситуации и, в первую очередь, благоприятной возрастной структуры, поскольку многочисленное поколение 80-х вступило в репродуктивный возраст... В определенных кругах научного сообщества, распространено мнение о том, что меры семейной политики малоэффективны при всей их дороговизне и в лучшем случае приводят к сдвигу в календаре рождений, т.е. расходы на семейные выплаты не оправданы. Такое суждение противоречит опыту множества стран и опровергается целым рядом авторитетных исследований” [Юрьев, 2008].

Поскольку “авторитетные исследования” не названы, можно предположить, что имеется в виду так полюбившаяся некоторым российским авторам публикация в “Nature” и выполненные ими же ее многочисленные перепевы. Что же касается опыта множества стран, то, вероятно, речь идет об упоминавшемся росте КСР в “нулевые” годы (в предыдущее десятилетие он преимущественно падал, так что опыт был, скорее, негативный), но об этом уже говорилось выше.

Колебания показателя итоговой рождаемости реальных поколений в постиндустриальных странах в интервале примерно от 1,5 до 2,1 ребенка на женщину, конечно, возможны, но мне не кажется, что они “столь велики”, чтобы в движении внутри этого довольно узкого коридора можно увидеть разные альтернативы. Эти колебания могут возникать по разным причинам, в том числе и под воздействием мер демографической политики, хотя переоценивать возможности такой политики я бы не стал. Решения о рождении детей принимаются женщиной или супружеской парой под воздействием многих сигналов, поступающих к ним от социального окружения. Меры демографической политики – один из таких сигналов, не более того.

Кроме того, следует иметь в виду, что перед миром в целом стоит задача, сильно отличающаяся от задач “мирового Севера”. Человечество (в том числе и та его часть, которая живет на “мировом Севере”), безусловно, заинтересовано в скорейшем прекращении глобального демографического взрыва и в последующем постепенном сокращении мирового населения и антропогенных нагрузок на ресурсы планеты. Но это возможно только в том случае, если во всех странах мира итоговая рождаемость поколений на довольно долгий срок опустится ниже уровня простого замещения поколений. В этих условиях появление противоположной тенденции в странах “мирового Севера” представляется маловероятным.

Но, может быть, она есть на “мировом Юге”? Там все еще существуют страны с очень высокой рождаемостью, в той же Африке, наряду со странами Магриба, где КСР приближается к европейскому, есть немало стран, где этот показатель близок к 6 и даже выше. Казалось бы, вот самый подходящий момент вспомнить о “руслах” и “джокерах”, о том, что “культурно-географические регионы Земли обладают своей индивидуальностью” и не обязаны подчиняться “общепланетарным закономерностям”, и т.п. Если столь высока «неопределенность в вопросе о том, насколько мощным окажется “высокий аттрактор” рождаемости, локализованный в США, Франции и др. постиндустриальных странах, и сумеет ли он “притянуть” к себе такие страны, как Германия, Италия или Япония», то почему бы не поставить тот же вопрос в отношении “высокого аттрактора” Нигера или Уганды, способных “притянуть” к себе Алжир или Тунис? Теория демографического перехода не допускает такого развития события, но Клулт не такой уж поклонник этой теории, чтобы она могла помешать ему

рассмотреть и такую альтернативу. Однако, странное дело, говоря об альтернативах “мирового Юга”, он вообще не касается вопроса о рождаемости, а сосредоточивает все свое внимание на миграции. Последуем за ним и мы.

Южный противовес?

Возможно, отсутствие у Клупта интереса к альтернативам рождаемости на “мировом Юге” определяется тем, что наличие или отсутствие таких альтернатив мало затрагивает Россию, тогда как ее миграционное взаимодействие с Югом привлекает все большее внимание россиян и занимает все большее место в общественно-политическом дискурсе. Россия постепенно осознает себя частью глобальной миграционной системы, участвует в международной миграции и как реципиент, и как донор, и появляется необходимость лучше разобраться в том, что происходит в этой глобальной системе, а возможно, и в ее региональных подсистемах.

Здесь тоже, утверждает Клупт, есть альтернативы. Крупномасштабной миграции дешевой рабочей силы Юга в страны Севера противопоставляется “альтернативная тенденция”: “резкое увеличение внутреннего спроса стран Юга на рабочую силу низкой и средней квалификации; формирование мощных международных миграционных систем, не выходящих за пределы Юга; миграцию в страны Севера студентов и высококвалифицированных специалистов Юга и последующее возвращение части из них на родину”.

Напомним все же, что под альтернативными понимаются взаимоисключающие варианты развития. В данном же случае речь идет о совершенно естественном для нынешнего глобализованного мира развитии международных миграций в самых разных, но отнюдь не взаимоисключающих вариантах. О появлении альтернативы можно было рассуждать полстолетия назад, когда, говоря словами А. Сови, “поворот в направленности векового движения, начало которого относится еще к периоду между двумя последними мировыми войнами, окончательно оформился” [Сови, 1977, с. 360]. “Вековое движение” заключалось в миграции европейцев, в основном, за океан, как на вновь осваиваемые территории с созданием там новых государств (США, Канада и др.), так и в бывшие колонии, получившие впоследствии название “развивающихся стран”. В терминах, используемых Клуптом, это, говоря условно, было движение с Севера на Юг, точнее – распространение по всему миру людей европейской культуры. Теперь ему на смену пришло значительное преобладание противоположно направленных потоков – с Юга на Север (из стран неевропейской в страны европейской культуры). Это, действительно, был важный и необратимый поворот. Но он вовсе не исключал параллельного развития миграций и между странами Юга, имевших свои собственные детерминанты. Почему оба эти движения – “Юг–Север”, и “Юг–Юг” – надо рассматривать как альтернативные?

Сегодня население Юга – это почти 6 млрд человек, живущих в совершенно различных по уровню развития и богатства странах. В условиях стремительного роста населения и порождаемых этим проблем в странах Юга, при наличии современных средств транспорта и связи, трудно представить себе что-либо более естественное, чем рост миграционного обмена между отдельными странами под влиянием всегда возникающих в таких случаях выталкивающих и притягивающих факторов. Но можно ли ожидать, что в обозримом будущем принимающие страны Юга станут серьезными конкурентами в привлечении мигрантов для принимающих стран Севера?

Как отмечалось в сравнительно недавнем докладе Генерального секретаря ООН, в 2005 г. число международных мигрантов составило 191 млн человек, причем число мигрантов, переместившихся “с Юга на Юг”, и число мигрантов, переместившихся “с Юга на Север”, было примерно одинаковым [Международная... 2006, с. 48]. Однако с учетом разницы в численности населения Юга и Севера, “миграционная нагрузка” на страны Севера была намного большей, что говорит и о намного большей привлекательности Севера.

Быстрый рост численности населения стран Юга все еще продолжается, одновременно растет и его мобильность. Миграционный потенциал “мирового Юга” с его многомиллиардным бедным населением безграничен, миграционное давление на все принимающие страны – и на Севере, и на Юге – несомненно, будет нарастать. Уже сейчас ясно, что “миграционная емкость” стран Севера ограничена, и они будут пытаться в той или иной мере сдерживать приток иммигрантов. Что из этого выйдет, покажет время. Но представление о том, что “международные миграционные системы Юга, замыкая на себя потоки рабочей силы низкой и средней квалификации, снижают масштабы ее миграции в страны Севера”, наивно. Желаящих эмигрировать хватит на всех, и еще останется. Представление о “южной” альтернативе миграции на Север выглядит успокаивающе, не хуже, чем вера в грядущий рост рождаемости, мы это любим. Но оно едва ли реалистично.

Что все это означает для России? Данный вопрос можно рассмотреть и в среднесрочной, тактической, перспективе, и в долгосрочной, стратегической. Мне кажется, что Клулт довольствуется только первой.

Он видит в России ключевое звено Евразийской миграционной системы – пункт назначения, в который движутся потоки трудовых мигрантов из Белоруссии, Украины, Молдавии и постсоветской Центральной Азии. Признавая ряд важных экономических и политических функций этих потоков (обеспечение потребности российской экономики в относительно дешевой рабочей силе и стабилизация положения в Центральной Азии), Клулт в то же время предупреждает, что достоинства Евразийской миграционной системы не стоит преувеличивать. В целом, он рисует картину, уже много раз описанную: “Евразийская миграционная система не может вносить сколько-нибудь существенного вклада в развитие высокотехнологичных отраслей российской экономики. Не стоит ожидать от нее и вклада в развитие демократических институтов”; «негативное отношение значительной части россиян к трудовой миграции в Россию принято списывать на “ксенофобию”, непонимание ими собственных интересов. Однако не стоит упускать из виду и другую правду – миграция в ее современном виде воспринимается многими жителями страны как составная часть опостылевшей коррупционной системы. Да и с интересами все обстоит не так однозначно: выгоды от миграции получают преимущественно одни группы населения, а с ее издержками сталкиваются другие».

Все это, вероятно, верно, как верны и некоторые практические пожелания и рекомендации Клулта, например его рекомендации “сделать более сбалансированной” миграционную систему “Россия–Запад”. Но не будем забывать, что “Евразийская миграционная система” – естественное наследие СССР, со времени распада которого прошло всего 20 лет – срок по историческим меркам ничтожный. В более же долгосрочной перспективе за спиной постсоветской Центральной Азии маячит многомиллиардный “мировой Юг”, в одной только Азии – ближайшей к нам части этого Юга – в середине века будут жить 5 млрд человек. Можно ли довольствоваться мыслью, что миграционные системы Юга замкнут потоки мигрантов на себя, или нужно все-таки проявить большую стратегическую дальновидность и увидеть глобальный миграционный вызов странам Севера, к которым принадлежит и Россия, в его истинных масштабах? Индия строит стену, чтобы обезопасить себя от миграции из Бангладеш, но слабо заселенную Россию может не спасти от миграции и Великая китайская стена.

* * *

7 млрд жителей Земли – очень много. Но это – свершившийся факт, делающий нереализуемыми и нереалистичными многие альтернативы, которые вполне могли обсуждаться еще несколько десятилетий назад. Возник совершенно новый мир, он принес с собой совершенно новые вызовы, и надо искать ответы на них, а не надеяться на то, что все само собой наладится, и думать только о том, чтобы вернуться в “старые добрые времена”.

Есть только одна альтернатива небывалому глобальному нарушению демографического равновесия, современниками которого мы стали, – восстановление этого равновесия, но уже на новой основе, предполагающей низкую рождаемость. Возврат к рождаемости, устойчиво поддерживающей замещение поколений, необходим и возможен, но, скорее всего, вместе со всем человечеством, а не в границах отдельной страны. До этого времени в России, как и в любой другой стране, возможны колебания в достаточно узких пределах, и видеть в каждом повышении рождаемости на несколько десятков ребенка в расчете на одну женщину появление новой альтернативы – значит, выдавать желаемое за действительное. Точно так же, видеть альтернативу нарастающему миграционному давлению на богатые страны в том, что сообщающиеся сосуды современного мира разделятся на две обособленные части (“Север” и “Юг”) и миграционные потоки с Юга на Север станут не нарастать, а убывать, значит выстраивать новую утопию и готовиться к новым разочарованиям.

Из этого вовсе не следует, что у России, как и у человечества в целом, нет альтернативного выбора. Надо только уметь отличать альтернативы, связанные с изменением того, что изменить невозможно, от альтернатив адаптации к необратимым изменениям. Здесь всегда есть много вариантов, выигрывает тот, кто находит наилучший.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боярский А.Я.* К проблеме населения // *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. М., 1975.
- Валлен Ж.* Речь президента Международного союза по изучению населения, на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению // *Этнопанорама.* 2005. № 3–4.
- Демография как коварная наука // *Демоскоп Weekly.* 2011 № 453–454 (<http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/lisa01.php>).
- Демоскоп о Детотрясении (2011) (<http://cliodynamics.info/Demoskop.htm>).
- Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря на Генеральной Ассамблее ООН 18 мая 2006 г.
- Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2011.
- Панкратов К., Турчин П.* Детотрясение // *Эксперт.* 2010. 27 декабря.
- Сови А.* Общая теория населения. Т. 2. М., 1977.
- Юрьев Е.* Стратегические шаги по выходу России из демографического кризиса. Доклад на II Всероссийской конференции “Многодетная семья в современной России”. М., 2008 (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1188/).
- Bongaarts J., Feeney G.* On the Quantum and Tempo of Fertility // *Population and Development Review.* 1998. Vol. 24. № 2.
- European Demographic Data Sheet 2010. Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences. 2010.
- Goldstein J.R., Sobotka T., Jasilioniene A.* The End of ‘Lowest-Low’ Fertility? MPIDR Working paper WP 2009-029. November 2009.
- Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.* Advances in Development Reverse Fertility Declines // *Nature.* 2009^a. Vol. 460. № 6.
- Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.* Успехи в развитии обращают спад рождаемости вспять // *Демоскоп-Weekly.* 2009^b. № 401–402.
- Sobotka T., Lutz W.* Misleading Policy Messages from the Period TFR: Should We Stop Using It? // *European Demographic Research Papers,* Vienna Institute of Demography. 2009. № 4.
- Vishnevsky A.* Replacement Migration: is it a Solution for the Russian Federation? // *Policy Responses to Population Decline and Ageing.* Population Bulletin of the United Nations. Special Issue № 44/45. 2002. UN. New York, 2004.